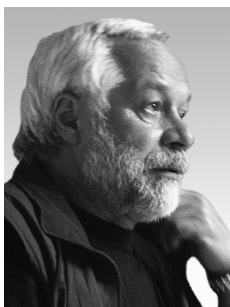

ТОЛЕРАНТНОСТЬ К НЕТЕРПИМОСТИ

В.И. СЛОБОДЧИКОВ

Слободчиков Виктор Иванович — директор Института развития дошкольного образования РАО, член-корреспондент Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор. Член Совета по присуждению премий Президента и Правительства РФ в области образования, член Координационного совета Министерства образования и Московской Патриархии, награжден медалью К.Д. Ушинского. Автор более 100 научных работ, среди которых учебные пособия «Психология человека» (1995), «Психология развития человека» (2000), «Очерки психологии образования» (2003, переиздана в 2005).
Контакты: dir-irdora@yandex.ru

Резюме

В советские времена гуманитарные науки либо обслуживали господствующую идеологию и считали ее основанием своей «научности», либо строились на методологических принципах и категориях естественных наук. Настало время освободиться от оккупации научного сознания «всесильным и единственно верным учением — материализмом» на основе заинтересованного и ответственного погружения в содержание размышлений авторитетных отечественных исследователей и мыслителей. По изъяснению святого ап. Павла, вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом (Евр. 11.1). Универсум психологического знания должен включить в себя и строго научные, и вненаучные, и даже паранаучные знания.

Сразу же хочу заметить, что писать еще один текст по мотивам опубликованных материалов или же давать развернутый комментарий относительно позиций других авторов в рамках «специальной темы выпуска» вряд ли оправданно на данном этапе. Уже содержания самих публикаций комментируют друг друга. Для заинтересованного и вдумчивого читателя не составит труда выявить внутреннюю полемику представленных позиций. Для другого чита-

теля можно еще раз опубликовать эти же тексты в следующем номере журнала. Это во-первых.

А во-вторых, площадка для возможного диалога слишком обширна и не структурирована: «наука и религия», «психология с религией и без нее» и т. п. Какая наука — гуманитарная или естественная, наука о природе или — о духе? Какая религия? Какая психология? Вопросы можно множить и множить. На таких бескрайних просторах мысли есть

опасность вообще потерять из вида собеседника, по крайней мере в этой жизни.

И, в-третьих, встреча возможна и может быть плодотворной только в точной точке прикрепления: реальна ли и продуктивна ли христиански ориентированная психология (а ведь о ней идет речь по преимуществу в опубликованных материалах) и каков ее действительный статус в системе развивающегося психологического знания? Но если сама постановка такого вопроса с порога агрессивно отвергается (М.Ю. Кондратьев) или не отвергается, но растворяется в мареве человековедческих представлений (В.М. Розин), то о чем здесь дискутировать? Дай Бог хотя бы отношения сохранить.

Несомненно, должна быть накоплена критическая масса теоретического дискурса, категориального анализа, про- и перспективной рефлексии онтологических оснований современной психологии. И с этой точки зрения инициатива редакции журнала по запуску процессов такого осмысления должна быть поддержана и заслуживает высокой оценки. Именно в таком контексте хотел бы высказать свое мнение не столько о позициях других авторов, сколько об отдельных внутренних конфликтных сюжетах, которые блуждают по поверхности «обыденного» научно-психологического сознания¹.

Первый сюжет — это «наука и религия». Как справедливо отмечает о. Андрей Лоргус, «вопрос о связи

науки и религии свойственен только нашему отечеству». Банальность состоит в том, что и сам этот вопрос, и ответы на него были и не научными, и не религиозными, а сугубо идеологическими, марксистско-ленинскими. Естественно, что советский сциентизм в борьбе за материалистическое мировоззрение объявил тотальную войну религиозным предрассудкам. Аргументы против религии черпались из достижений естественных наук, особенно в их практическом воплощении. Слетал Ю.А. Гагарин в космос и сообщил, что Бога он там не встретил, — тем самым вроде бы подтвердил ложность религиозных верований.

Далее, в советские времена одни так называемые гуманитарные науки либо прямо обслуживали господствующую идеологию в ее борьбе не столько с религиозным мировоззрением, сколько с институтами религии и верующими людьми, либо эту идеологию считали основанием своей «научности»; другие, не имея такой возможности, строились на методологических принципах и категориях естественных наук. Последнее имело и продолжает иметь прямое отношение и к советской, и во многом к современной российской психологии.

Несомненно, что избегание глубокого и профессионального обсуждения фундаментальных, онтологических оснований современного психологического знания, парадигмальных установок его получения, подмена их

¹Развернутый и хорошо аргументированный комментарий к рассматриваемым далее сюжетам содержится в статье Б.С. Братуся «Заметки о внешнем оппонентном круге христианской психологии» в ноябрьском номере «Московского психотерапевтического журнала».

модными идеологемами (например, постмодернистским эклектизмом и нарративизмом) порождают множество фантомальных моделей человека: фрейдистская, скиннеровская (крысоподобный, потребляющий, виртуальный), — и несть им числа.

Конечно, в отечественной психологии и философии неоднократно делались (и до сего дня делаются) попытки кардинальным образом поставить под сомнение всеобщность и неизбежность естественнонаучной парадигмы и вообще классического рационализма Нового Времени в гуманитарных науках. Здесь важны, прежде всего, работы, выполненные в русле гуманитарноориентированной психологии, экзистенциальной и религиозной философии. В психологии это главным образом исследования К.А. Абульхановой-Славской, А.Г. Асмолова, Б.С. Братуся, А.В. Брушлинского, Ф.Е. Василюка, Л.С. Выготского, В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, А.А. Пузыря, В.М. Розина, С.Л. Рубинштейна, А.А. Ухтомского и др. Среди философских трудов последнего времени следует отметить работы А.С. Арсеньева, Г.С. Батищева, В.С. Библера, В.П. Иванова, Э.В. Ильенкова, М.К. Мамардашвили, Ф.Т. Михайлова и др. Я думаю, что заинтересованное и ответственное погружение в содержание размышлений этих авторитетных отечественных исследователей и мыслителей позволит наконец-то освободиться от оккупации научного сознания «всесильным и единственно верным учением — материализмом».

Второй сюжет — это «научное знание и религиозная вера». Атеистическая точка зрения состоит в том, что их необходимо кардинально **раз-**

делить, так как они существуют «в параллельных, непересекающихся плоскостях». Но их надо не разделять, а **различать**. При формальном разделении либо специально, либо по недоразумению затемняется фундаментальный вопрос об основаниях и природе знаний, о типах знания и способах его получения. Еще в начале прошлого века Н. Бердяев говорил, что научной должна быть только наука (и ее знания), все другие типы знания (оставаясь знанием) должны быть принципиально ненаучными. В частности, не существует, например, отдельной, узкоспециализированной науки о человеке, но есть человекознание и человековедение, которые объемнее и тем самым точнее всей совокупности знаний естественных наук о человеке.

По изъяснению святого ап. Павла, вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом (Евр. 11.1). Еще точнее на церковнославянском: *вера есть уповаемых извещение, вещей обличение невидимых*. В строгом смысле вера есть знание, но особого типа и особым образом получаемое, а главное — это знание человека и о человеке.

Для психологии же жесткое разделение и противопоставление разных типов знания вообще катастрофично. В таком случае она окажется «в параллельных и непересекающихся плоскостях» не только с религией, но также и с философией, культурологией, историософией и даже с естественными науками. Существует такое подростковое представление, что психология сама себя родила и на ноги поставила. С возрастом такое представление должно проходить, иначе — задержка в развитии.

В знаменитом треугольнике наук Б.М. Кедрова психология занимает место интегрирующего центра. Я думаю, что мы еще толком не осознали эту его идею. Она выводит нас на представление об **универсуме психологического знания**, который включает в себя и строго научные, и вне-научные, и даже паранаучные знания (мне кажется, что такое же представление сложилось и у В.М. Розина). В таком универсуме перестает работать логика объектно-вещных отношений, характерная для классических естественных наук, здесь масштаб истинности знания задается ценностно-смысловыми основаниями; в том числе и религиозными ценностями и упованиями.

И еще один сюжет, но уже за пространством обсуждения содержания и статуса христианской психологии, а скорее — в жестких границах психологии индивидуально-личностных особенностей. Главная доминанта в пределах этих границ — внутренняя страх (перед неведомым, а потому и нетерпимым) и агрессивность как воплощение вонне такого страха. Ограничусь лишь цитатами из опубликованных текстов, используя известный прием европейских новостей — *no comment*.

1. «Не надо паразитировать на психологии, именно паразитировать, потому что если хотите растить свое дерево, то сажайте его рядом. Не надо претендовать на корни того дерева, которое было выращено исключительно для того, чтобы преодолеть ненаучные способы обоснования мысли...

А вот заставлять работать на себя тех людей, которые были верны определенным, именно научным принципам и выстраивали это знание именно в научном плане,— это паразитирование» (с. 69)².

2. «Не кроется ли здесь (в христианской психологии. — В.С.) авторитарная установка?..

Авторитарная личность как понятие собственно психологическое — это, прежде всего, личность, которая готова принять давление сверху, но только при наличии возможности самой "давить" вниз. На этом была построена вся иерархия фашизма...

К сожалению, тезис "Над нами кто-то есть" — вот та логика, которую исповедуют отцы-создатели современной "христианской психологии"» (с. 70).

3. «А теперь об образовании и о тех попытках проникновения в эту сферу, которые предпринимает новоявленные «христианские психологи». Считаю, что это без преувеличения страшная опасность» (с. 70).

4. «Мне так же не нравится воинствующий атеизм, как и воинствующая религиозность, которая в последние годы захлестнула страну» (с. 71).

5. «Совершенно очевидно, как активно, настойчиво и даже агрессивно, с нарушением всех божьих заповедей насаждается не этнокультурное и уж тем более не поликультурное, а этноконфессиональное образование...

Поэтому яростное проникновение церкви в образовательный процесс неизбежно ведет к национальной розни» (с. 72).

²Здесь и далее даются ссылки на журнал: Психология: Журнал высшей школы экономики. 2007. Т.4, № 2. В скобках в тексте приводятся номера страниц.

6. «К сожалению, настойчивость ряда психологов, пытающихся как в научном, так и в образовательном плане подчинить психологию религиозной доктрине, заставляет задуматься о том, не сталкиваемся ли мы в данном случае с неким бизнес-проектом, который направлен не столько на формирование подлинно научного

знания и на воспитание и поддержание истинной веры, сколько на достижение вполне мирских целей — бюджетных средств, социального влияния и т. п.» (с. 73).

P.S.

Ну что тут можно сказать?

No comment.